

А. Н. ФОРМОЗОВ

ГАГА
И ПРОМЫСЕЛ
ГАГАЧЬЕГО ПУХА

МОСКВА ★ ВСЕКОХОТСОЮЗ ★ 1930

А. Н. ФОРМОЗОВ

Сентябрь 1930

ГАГА И ПРОМЫСЕЛ ГАГАЧЬЕГО ПУХА

РАСПРОСТРАНЕНИЕ, БИОЛОГИЯ,
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ,
МЕТОДЫ ПРАВИЛЬНОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГНЕЗДОВЫХ
КОЛОНИЙ, СОБИРАНИЕ ПУХА,
ЕГО ОЧИСТКА И ХРАНЕНИЕ.

С 7 рисунками автора

„ВСЕКОХОТСОЮЗ“

МОСКВА

1 9 3 0

ЧИТАТЕЛИ!

Просим сообщить

Ваш отзыв об этой книге
по адресу: Москва, Центр,
Никольская ул., Ветошный
проезд, дом № 5.
Издательству Всеко-
хотсоюза.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всекохотсоюз предложил мне написать брошюру о промысле гагачьего пуха. Я охотно взялся за это дело, так как в результате двухлетних обследований мурманских островов (1927, 1929*) собрал целый ряд наблюдений на эту тему, а зимой этого года, задумав большую монографию гаги (которая вряд ли скоро увидит свет), просмотрел соответствующую литературу в библиотеке Академии Наук СССР. При этом оказалось, что гага нашего побережья изучена несравненно слабей, чем западно-европейская или американская, а литературные указания по ней настолько мелки и разбросаны, что даже при работе в лучшей библиотеке Союза многих из них не удалось собрать. По использованию, охране и разведению гаги наиболее ценные данные можно было надеяться получить из датских, исландских и норвежских источников, но они оказались для меня недоступными, и только наличие довольно подробных цитат в новейших американских монографиях уток дало возможность, до

*) Работа была произведена на средства секции охоты Наркомзема и отдела биологии и промысловой охоты Центр. лесн. опытн. станции Н. К. З. Во второй поездке много помогал мне юннат звереводно охотничьей группы Тимирязевской Биостанции в Сокольниках (Москва) А. А. Максимов.

известной степени, ознакомиться с опытом стран, уже несколько столетий правильно эксплуатирующих эту птицу. Таким образом хотя в моих руках и скопился значительный материал, он все же во многих отношениях оказался недостаточным, что, конечно, отразилось и на настоящей вынужденно сжатой работе. Пробудившийся интерес к северным промыслам, без сомнения, приведет к быстрому накоплению недостающих данных, а на первых порах, можно надеяться, и эта книжка окажется полезной. Я буду искренне рад, если она поможет развитию промысла и сыграет хотя бы скромную роль в охране глубоко для меня интересной гаги, такой же ценной среди птиц северного моря, как соболь среди пушных видов тайги.

А. Н. Формозов

Доцент Московского государственного
университета и Зоотехнического ин-
ститута.

I. ГАГАЧИЙ ПУХ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Крупная морская утка-гага, хорошо знакомая и малым ребятам беломорского и мурманского побережий, за пределами северных окраин известна немногим даже из охотников, зато далеко на юг от области обитания этой птицы доходят слухи о знаменитом ее гагачьем пухе.

Биологическая роль и ценность пуха. Вместе с густым плотным оперением и значительным слоем подкожного жира этот пышный высокий пух, особенно густо одевающий брюшко гаги, является одним из приспособлений птицы к жизни на ледяной воде северных морей, на холодных скалах, снегу и вечно мерзлой почве арктических побережий. *) Очень легкий по весу и нежный по строению он охраняет тело гаги от сильной потери тепла при длительном плавании и нырянии, что важно для этой утки, большую часть жизни проводящей на море. Подобно меху песца, подкожному жиру некоторых китообразных и тюленей, гагачий пух приобрел свои ценные качества в течение многовековой эволюции на крайнем севере и потому во многих отношениях

*) Именно здесь на севере выделилась из среды нырковых уток группа гаг, приобрела многие приспособительные признаки и уже отсюда расселилась местами к югу, достигнув морей с умеренным климатом.

является совершенно незаменимым и стоит вне конкуренции. Он обладает исключительной легкостью и теплотой (малой теплопроводностью), пользуется заслуженной славой по ряду других достоинств и используется с незапамятных времен не только у народов, стоящих на низком уровне культуры (эскимосы и др.), но и в странах с высоко развитой техникой, имеющих богатый выбор волокнистых веществ разнообразного происхождения. Достаточно сказать, что летчики, совершающие перелеты в зимнюю стужу на севере, считают одежду, стеганную на гагачьем пуху, за наилучшую в условиях этой тяжелой работы.

Признаки гагачьего пуха. Теплота гагачьего пуха в значительной степени зависит от вещества, длины и строения отдельных пуховых нитей и от его эластичности в целом, т. е. от способности противостоять сминанию, сохранять до некоторой степени свой первоначальный об'ем, благодаря чему между отдельными нитями и пушинками остаются прослойки воздуха, являющегося дурным проводником тепла.

Небольшой ком гагачьего пуха можно бросать, трепать, ударять без опасения разбить его на отдельные разлетающиеся пушинки—так тесно их нити сцепляются между собой. При расщипывании такого пуха слышится характерное слабое похрустывание; пушинки тянутся одна за другой, так что трудно бывает получить клочок пуха точно желаемой величины,—он всегда выходит более длинным и крупным. Гагачий пух «тянется», как говорят; это еще одно из его отличительных свойств. Окраску его можно назвать дымчатой или буровато-дымчатой с неясными сероватыми пятнами; отдельные пушинки буроватые со светлыми центрами; немногие из них чисто бурые или белые. Окраска пуха бывает более темной или светлой, в зависимости от возраста птицы и от того, из какого по счету гнезда, сделанного самкой за сезон, этот пух был взят.

Торговые сорта пуха. В торговлю поступает пух, добытый двумя способами; один, так называемый гнездовой («живой») и другой—щипаный из убитых птиц («мертвый»). Гага, как и другие утки, выстилает ямку на земле, в которую кладет яйца, отчасти растительными веществами, главным же образом (иногда исключительно) пухом, выщипанным из брюшка. Этим же пухом она покрывает сверху яйца в первое время гнездования, когда еще сходит ненадолго с гнезда. Повидимому птица берет у себя пух с выбором, предпочитая наиболее крупные темные пушинки. Такой гнездовой пух, будучи очищенным от сора, по своим техническим достоинствам стоит значительно выше щипаного из убитой птицы. Последний более жирен, не так однороден и эластичен, легче сваливается в комки и в общем является малоценным продуктом. Гнездовой пух, кроме легкости, эластичности и сухости, всегда отличается большей пышностью, некоторой примесью мелких перьев брюшка и характерного растительного сора. В слегка очищенном виде он идет в продажу под названием сырца и принимается сейчас на месте по 45—50 руб. за кг, тогда как хорошо очищенный продается за 200 и более руб. за кг.

Каждое гагачье гнездо в среднем дает **Ценность гаги.** 20—30 грамм чистого пуха и, следовательно, каждая гнездящаяся самка—5 и более рублей чистого дохода ежегодно. Гага живет более 20 лет, а размножаться начинает уже в возрасте трех (реже двух) лет, причем, не только ежегодно возвращается на один и тот же островок или участок берега, но даже занимает для гнезда одну и ту же ямку в торфе или выбоину в скале. (Это было установлено длительными наблюдениями над гагами Западной Европы, находящимися в условиях охраны и покровительства со стороны человека). Таким образом, каждая из этих ценных птиц за свою жизнь может принести гнездового

пуха на сумму от 100 до 150 и более рублей. Как птица общественная, колониальная гага там, где ее не тревожат, селится очень плотно, так что гнезда иногда соприкасаются краями; это значительно облегчает собирание пуха и повышает производительность специальных «гагачьих ферм».

Убивая гагу, охотник получает полтора килограмма жесткого мало приятного на вкус мяса (только у молодых оно несколько лучше) и некоторое количество низкосортного «мертвого» пуха или пуховую шкурку, красная цена которой сейчас 70—90 коп.

Простое сопоставление приведенных данных говорит за то, что охота на гагу не приносит и сотой доли той пользы, которую можно получить от этой птицы, собирая ее пух на гнездовых колониях. С точки зрения правильного хозяйствования охота на гагу—преступление*), и можно только присоединиться к словам американского исследователя Ч. Таунсенд'а (Ch. Townsend) следующим образом, выразившегося об истребителях гаг: «эти люди убивают гуся, который кладет (для них) золотые яйца»... Имея это в виду, понятным становится почему на европейском западе гага уже давно находится под строгой охраной закона, почему в Исландии и других датских владениях еще в 1702 году был издан указ, по которому убийство гаги каралось тюремным заключением. И совсем непонятным делается то, что творится у нас по всему северу: почему до сих пор гагу безнаказанно истребляет всякий, кому не лень, почему органы государственной торговли и даже охотничьей кооперации, призванной упорядочить охотничье хозяйство, скупают и щипанный пух, который при желании всегда можно отличить от гнездового, и пуховые гагачьи шкурки.

*) Целесообразность частичного отстрела селезней еще нужно выяснить (см. ниже).

Если мы хотим восстановить наш оскудевший доход от гагачьих базаров*), то прежде всего должны прекратить как охоту на гагу, так и торговлю продуктами, получаемыми от убитых птиц этого вида, а в использование гнездовой внести те разумные хозяйственные приемы, целесообразность которых доказана трехсотлетней практикой исландских, норвежских, датских и немецких гагачьих хозяйств.

Чтобы не слепо пользоваться их опытом, нам необходимо ознакомиться с биологией гаги.

*) Базарами на севере принято называть гнездовые колонии ряда морских птиц.

II. БИОЛОГИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ ГАГИ И ЕЕ РОДИЧЕЙ

Гаги являются одной из обособленных групп нырковых уток и наиболее близкими по своим анатомическим признакам к турпанам.

Виды гаг нашей фауны и их распространение.

В пределах союза встречается четыре вида этих птиц: обыкновенная гага (*Somateria mollissima* с подвидами), гребенушка или нормота (*Erionetta spectabilis*), малая или сибирская гага (*Heniconetta stelleri*) и очковая или фишерова гага (*Arctonetta fischeri*).

Гребенушка гнездится по тундрам побережья Ледовитого моря от Канина полуострова на восток до Берингова моря и Чукотской земли включительно, захватывая также севернее лежащие острова. Сибирская гага занимает на гнездовье Таймырский полуостров и побережье, лежащее к востоку отсюда до устья Анадыря включительно. *) Всего уже ареал очковой гаги: она гнездится от устья Лены до Чукотского полуострова включительно. Перечисленные три вида, подобно обыкновенной гаге, выстилают свои гнезда пухом, но устраивают их среди приморской тундры, по одиночке, разбросанно на берегах озер и речек, не образуя колоний, хотя бы отдаленно напоминающих базары *Somateria mollissima*. Это делает трудным собирание пуха названных видов в

*) Отмечены отдельные случаи гнездования на Мурмане.

сколькo-нибудь значительном количестве, так как находки гнезд по большей части малочисленны и случайны *).

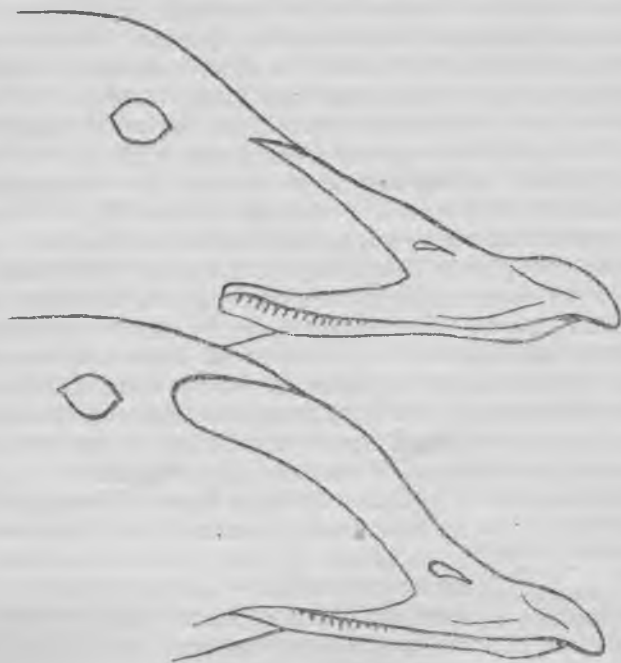

Рис. 1. Клювы самцов обыкновенной гаги. Вверху—северного подвида—*S. Mollissima borealis*, внизу—тихоокеанского подвида—*S. mollissima V-nigrum*. (Из Филиппса).

Таким образом гребенушка, сибирская и очковая гаги едва ли приобретает когда-либо такое же значение, как

*) Впрочем, по свидетельству С. А. Бутурлина, фишера гага в низовьях Калымы, при условии ее охраны от хищничества ездовых собак, могла бы дать значительное количество пуха.

обыкновенная гага. Распространение последней в наших пределах является не сплошным, а разорванным, так как средняя часть полярного побережья Сибири совсем, видимо, не посещается этой птицей. На Мурмане, островах Белого моря, на Новой Земле, Колгуеве, Долгом острове, Вайгаче и Земле Франца Иосифа, быстро убывая в числе по мере движения к Востоку и едва достигая устья реки Енисея, водится обыкновенная гага, близкая по своим признакам к подвидам, населяющим берега Э. Европы *).

На крайнем северо-востоке (остров Врангеля, Чукотская земля, Берингово море, к югу до Командорских островов) встречается хорошо отличающийся подви́д обыкновенной гаги—гага тихоокеанская *Somateria mollissima v-uigum*) **). Самцы этой гаги в брачном пере имеют на горле хорошо заметное черное пятно в форме римской цифры V, обращенной острием к подбородку. В отношении ценности пуха и своей биологии тихоокеанская гага ничем не отличается от обыкновенной, но она мало изучена, и потому изложенное ниже относится преимущественно к гаге северо-запада, хотя все это будет верно и для ее северо-восточной родственницы.

Внешность обыкновенной гаги, половые, возрастные и сезонные изменения Обыкновенная гага по размерам—одна из самых крупных уток и значительно превосходит крякву; взрослые самцы ее весят около 2,25—2,5 килограмм, а самки—до 2,2 килограмма. Наружность этой птицы настолько хорошо известна всюду, где она водится, что нет нужды давать ее подробное описание. Самец в брачном пере очень красив, в его наряде, по образному выражению одного полярного исследователя, соче-

*) Встречается также на Балтийском море, но здесь в наших пределах значения не имеет.

***) Изредка бывает в устье Лены и, быть может, далее к западу; некоторыми считается за особый вид *S. v-uigum*, а не подви́д.

тались все краски дальнего севера: белизна снегов тундры (вся верхняя половина туловища), густая чернота прибрежных скал (брюшко, крылья, хвост), зеленоватый цвет льда (пятна на шее), розовато-желтый отблеск зари (на груди) и т. д. Бархатно-черное пятно занимает весь лоб и проходит через глаз слегка сужающимися сзади косицами, тогда как темя остается белым; сильный утолщенный у основания клюв, более напоминающий гусиный—светло-рогового цвета, широкие лапы—оливково бурого цвета. Самка несколько мельче самца, скромной рыжевато-буроватой окраски с мелкими продольными черными пятнами на голове и шее и поперечным, волнистым рисунком на оперении других частей тела; крылья и хвост у нее—бурые. Молодые птицы хорошо отличаются от старых, а позднее окраска их изменяется с каждым годом настолько постепенно, что путем сравнения можно точно установить их возраст. Взрослый наряд они надевают 28—30 месяцев отроду и к этому же времени достигают половозрелости. Взрослые самцы кроме брачного—имеют переходный пегий наряд, который получают после летней линьки*). Гагачата в первом своем пуховом наряде в общем дымчато-бурого цвета, с более светлым брюшком, светлыми полосами под и над глазом.

Основные черты биологии гаги, миграции. Гага—чисто морская птица и вглубь материка залетает только случайно, хотя на тундре небольших островов можно иногда видеть кормящихся птиц в километре и более от берега. На значительном пространстве занятой ею области она кажется оседлой птицей. В действительности же обычно незначительная часть мест-

*) Исходя из времени, необходимого гаге для достижения половозрелости, некоторые авторы, путем теоретических выкладок, получают предельный возраст для этой птицы в 40 лет, что едва ли верно.

ных птиц проводит зиму у области гнездовья, если находит здесь свободные ото льда участки мелководья; вся остальная масса откочевывает более или менее далеко, на европейском севере—к западу и юго-западу, на Беринговом море—к югу и юго-востоку. Таким образом у берегов Мурмана значительное количество птиц является, повидимому, новоземельскими, тогда как мурманские гаги проводят зиму у берегов Норвегии*). Нужно сказать, что даже у Мурмана, омываемого теплыми водами Гольфштрема, гага зимует далеко не в одинаковом количестве и в суровые зимы почти заменяется здесь гребенушкой, прикочевывающей из более холодных восточных районов.

В зимнее время гаги держатся со-
Удобные и мало- тенными стадами, но уже к апрелю они
пригодные для местами начинают разбиваться на мелкие
гаги берега и группы и приближаться к гнездовым
острова. участкам. Последние расположены обычно на островах, лудах и таких участках побережья, которые с суши мало доступны. Проливы, отделяющие острова от берега, должны быть достаточно широкими, чтобы песцы и лисицы не часто решались сюда проникнуть; по той же причине проливы в пору гнездовья не должны быть забитыми льдом. Гаги мало гнездятся на больших островах и на тех из мелких, где упоминавшиеся выше хищники остаются с зимы на лето. Четвероногие враги вообще опаснее для гаги, чем пернатые; поэтому и собака она очень боится; последних ни в каком случае не следует допускать на гнездовые колонии.

Мелкие морские животные, которыми питается гага, как правило, более многочисленны у скалистых и каменистых берегов, а не у песчаных и глинистых, где при обычном на море прибое волн и течениях для них создаются трудные условия существования.

*) На Белом море гага тоже зимует, например, у Соловецких островов.

Эти же причины сказываются в уменьшении численности животных прибрежного мелководья и осушной полосы (полоса отлива или литораль) даже в случае наличия каменистого грунта, если берег открыт прибоем со стороны моря; сильные удары волн мешают здесь гаге с птенцами доставать и этих немногочисленных донных животных. Гага предпочитает потому держаться у скалистых островов со стороны проливов, т. е. защищенной от летних ветров (в тундрах они дуют с моря), а на северных берегах островов и на самом материке держится, главным образом, по защищенным бухтам, губам (заливам) и проливам. Здесь в полосе литорали, обнажающейся во время отлива, все скалы и камни бывают покрыты зарослями бурых водорослей фукусов (на Мурмане «тура»), которые являются верным показателем пригодности данного берега для гаги. Тура в такой же степени не выдерживает постоянного сильного прибоя, как и гага; где заросли туры богаче, там богаче и литоральная фауна—источник питания нашей птицы. Бедность морской прибрежной фауны у песчаных и глинистых островов вызывает почти полное отсутствие здесь гаги; вероятно, поэтому она так малочисленна у о. Моржовца, у Канинского берега и о. Колгуева; будет бессмысленной тратой сил пытаться в подобных условиях организовать гагачье хозяйство.

Пища гаги.

У каменистых же берегов, где на одном квадратном метре поверхности скалы сидит иногда более полутора тысяч моллюсков-литорик*), а понижения между камнями сплошь заняты мидиями, являющимися излюбленной пищей гаги,—всегда может прокормиться огромное количество птиц. Кроме двух указанных моллюсков, гага ест многие другие виды двустворчатых, брюхоногих и голых мягкотелых, которые по временам составляют все 80, а то и 100% содержимого

*) Мои подсчеты на Мурмане в 1929 г.

желудка. Из ракообразных (до 30% и более) наиболее часто поедаются крабы, реже бокоплавы и другие мелкие формы. Менее важны для гаги морские ежи, черви, гидроиды, асидии, мшанки и рыба, которая бывает добычей этой птицы изредка. Панцыри крабов и ежей, створки раковин гага видимо раздавливает своим мощным клювом, т. к. в желудке находятся только измельченные кусочки. Пищу эту птица собирает с камней во время отлива или ныряя в воду на глубину до пяти метров (по некоторым авторам, значительно глубже). В период гнездования на Семи островах я часто видел гаг самцов и самок, поедающими на тундре ягоды вороницы. Молодые кормятся первое время бокоплавами и другой мелочью, позднее переходят на моллюсков.

Брачные игры, спаривание, соотношение полов.

Уже с осени в погожие дни приходится слышать иногда крики гагунов, которыми сопровождаются обычно ухаживания за самками; издали они напоминают вокование домашнего голубя, а вблизи звучат как глухое и низкое «агуууа» «агуууа»... Чем ближе весне, тем чаще со всех сторон доносится этот как будто слабый крик, в действительности слышимый издали даже при грохоте прибоя, рокоте прибрежной гальки и бульканьи ручьев, падающих с гор. Токующий селезень привстает на воде, опираясь на хвост и слегка взмахивая крыльями; шея его откинута назад, клюв то лежит на груди, то вздергивается отвесно кверху; в такие моменты и слышится воркующий крик. Белоснежные «агукающие» самцы, то и дело показывающие над водой свои черные «жилеты», бурые самочки, рассыпавшиеся по скалам или в дремоте качающиеся по стеклянной глади волн,—истинное украшение тихих островов, бухт и заливов.

При одном самце часто приходится видеть по двести самки и, наоборот, два три самца держатся иногда с одной самкой, тогда как обычные пары тоже нередки. Ничего определенного в соотношении численности полов

у гаги при спаривании ни у нас, ни за границей установить не удалось. При наблюдении в природе взрослые самки и неполовозрелые самки и самцы едва ли отличимы друг от друга*), а так как и отношение числа взрослых гагунов к числу гнездящихся самок совершенно неопределенно, то и по ним пока невозможно учитывать количество гнезд, имеющих в хозяйстве; цифру эту можно получить только непосредственным подсчетом. Без специального изучения трудно также высказаться за возможность частичного отстрела селезней; мне кажется, что, по крайней мере на Мурмане, число их недостаточно.

Прилет и время Климат севера непостоянен: от начала кладки. ременчивого напряжения теплого течения Гольфштрема, идущего с запада, от слабого или сильного воздействия холодного арктического влияния, идущего с северо-востока, зависит на европейском побережье и ход температур, и обилие снега, вся фенология весны и лета, урожай хлебов и сена в Норвегии, прирост древесины у сосны, подход промысловой рыбы, весь темп жизни огромной приморской полосы. Этим же периодическим влияниям подчиняются и сезонные явления в жизни морских и тундровых птиц. Так, в памятном 1899 году, когда в середине мая на Финмаркене стояла полная зима, а в Печенге (Зап. Мурман, ныне Финляндия) в конце мая все еще половина суши была под снегом, первые яйца у крачки (*Sterna macrura*) появились здесь только 17 июля**), а гага, которая, по данным Гебеля, возвращается на Зап. Мурман между 18/III и 26/IV, в этот год прилетела только 9 мая. Из наблюдений Н. А. Смирнова, сделанных в 1899 г. в Коль-

*) Холостые птицы все лето держатся в табунах близ гнездовий, то присоединяясь к выводкам, то кочуя самостоятельно.

**) Наблюдения англичанина Пирсона; в Кольском заливе в умеренные в теплые годы эта крачка начинает класть яйца в последних числах мая, начале июня (Н. Н. Спасский и А. Н. Формозов).

ском заливе, видно, что первые яйца были отложены гагами только 17/VI, тогда как в теплые годы начало кладки приходится на конец мая—начало июня (наблюдения Н. Н. Спасского и мои). Таким образом кладка в 1899 году запоздала почти на три недели. К северу и востоку от Мурмана и, вероятно, на Белом море весенние явления в жизни гаги наступают позднее: на Новую Землю гага прилетает с первых чисел апреля по начало июня (первые яйца наблюдаются в конце июня—половине июля), на мысе Флора Земли Франца Иосифа птица появляется с конца мая по конец июня.

Выбор мест для гнзедовья. Ветер, играющий такую большую роль в жизни гаги на море, имеет для нее не малое значение и на суше: отыскивая место для гнезда, она старается поместить последнее в условиях, более или менее защищенных. При этом используются глубокие ниши и трещины в скалах, пустоты между валунами, всякого рода понижения и ямки между торфяных кочек, иногда такие глубокие и узкие, что гага сидит в них, как в ловушке, и при опасности выбирается с трудом. Где есть по берегам ивовые кустарники, заросли карликовой березы или корявые деревья, гага охотно гнездится под их защитой: на Мурмане, по моим наблюдениям, иногда занимает старые гнезда чаек.

Расстояние от гнезд до моря весьма непостоянное: одни помещаются в 2—3 метрах от границы, которой достигают при высокой воде брызги волн, огромное большинство располагается на склонах не далее полукилометра от берега, но некоторая часть на вершинах и у альпийских озер в километре и более от соленой воды. Высота расположения гнезд от уровня моря также весьма разнообразна—от одного-двух до нескольких сотен метров, но почти всегда кратчайший путь от гнезда к берегу ведет по впадинам, долинам и по не слишком крутому склону; над пахтами (отвесами) и на них самих гага гнездиться избегает,

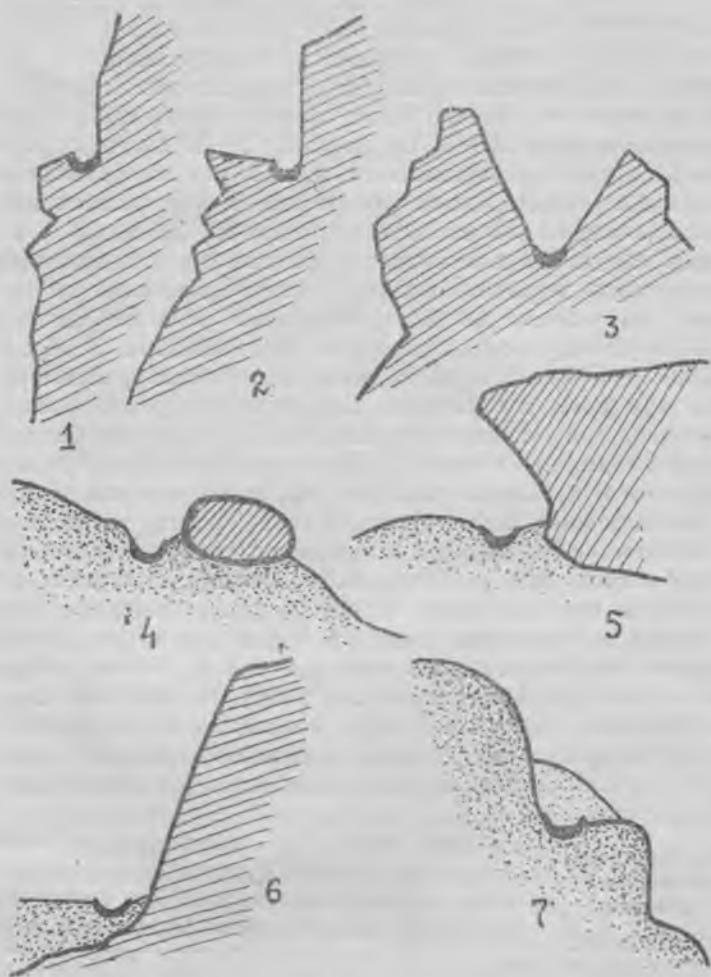

Рис. 2. Схемы, показывающие расположение гнезд гаги. Первые три—гнезда в выбоинах скал (скалы обозначены штриховкой, гнезда черной скобкой). Пятое и шестое—гнездо на земле в ямках у подножья скал; четвертое—гнездо под защитой валуна; седьмое в естественном углублении торфа. О. Харлов и Вешняк, 1929.

**Устройство
гнезда.**

Гнездо гага устраивает на подстилке из травянистой растительности, среди ковра тундровых полукустарников, на голом торфе или камне, на кучке сухих водорослей и т. п. Занимаемая под гнездо ямка обычно имеет следующие размеры: ширину 20—25 см., глубину 5—10 см.; этих размеров следует придерживаться, изготавливая искусственные лунки для гнезд. Пухом богаче всего выстилается дно лотка (иногда слой его бывает толщиной до 5 см), а по краям гнезда он почти всегда смешан с растительными веществами, нередко прикрыт сверху длинными веточками; из такого же материала гага сплетает иногда рыхлую стенку, возвышающуюся над землей на 3—4 см. После разорения первых гнезд количество растительных примесей в выстилке последующих резко увеличивается, пуху становится меньше, да и сам он бывает более мелким и светлым*). Впрочем даже под первыми кладками пуху бывает иной раз так мало, что все гнездо в неочищенном виде весит 10—15 грамм, тогда как в соседних гнездах яйца совершенно тонут в дымчатой шапке пуха. Из «хороших» гнезд можно получить до 40 грамм пуха, а жет и более. Ветер разносит пух с гнезда и отдельные пушинки висят иногда на траве, выдавая местонахождение сидящей самки; чайки иногда воруют его для выстилки своих гнезд. Я уже имел случай указать, что гага—птица колониальная и предпочитает гнездиться обществами; в спокойных местах сотни гнезд располагаются в непосредственной близости одно от другого.

**Насиживание,
появление
птенцов.**

Гага сидит на гнезде необычайно плотно; при этом ее буроватый наряд как нельзя лучше гармонирует по цвету и с неровной поверхностью торфа и с ку-

*) Указания многих авторов на то, что для второго и третьего гнезда гага берет пух из груди самца который, якобы, даже наказывает ее за неумение оберегать потомство относятся к области сказок.

чами высохших водорослей. В разгар насиживания даже на неохраемых островах гага подпускает к себе вплотную и позволяет иногда коснуться себя рукой. Почти не покидая гнезда для кормежки, самка питается все это время за счет запасов своего жира, хотя изредка мне

Рис. 3. Самка гаги сидит на гнезде. О-в Вешняк (Вост. Мурман), 22, VI, 1929.

случалось находить близ гнезд ее жидкий помет, фиолетовый от съеденных ягод вороницы. Яиц в кладке бывает от 3 до 8, чаще 4—6, изредка находят гнезда с дюжиной и более яиц; предполагается, что в этих случаях две самки клали в один лоток *). Срок насиживания—28 дней, молодые выклевываются поочередно через значительные промежутки времени. Самый процесс выклевывания длит-

*) Яйца гаги величиной с гусиные (средние размеры 75,5x50,5 мм) с глянцевиной гладкой скорлупой, бледнозеленоватого, глинистого или желтоватого цвета, очень хороши на вкус.

ся довольно долго: на о. Вешняке, у остановки нашего карбаса я нашел 22/VI 1929 г. гнездо, в котором одно из яиц было надклюнуто; через пробойнку виден был клюв непрерывно пищавшего гагачонка. Мы пробыли на острове менее 6 часов и собирались уезжать, а гагачонок все еще оставался в яйце и пискom перегова-

Рис. 4. Пуховой птенец гаги, пойманный при переходе от гнезда к морю 1. VII. 1929 г. Вес 64 гр. О-в Харлов, Вост. Мурман.

ривался с нежно покряхтывавшей над ним самкой. Вышедшие из яиц гагачата обсыхают и продолжают некоторое время сидеть под маткой, питаются только за счет желточного пузыря; не ранее как в возрасте 36 часов они трогаются в путь к морю. Переселение нередко дорого обходится выводку—отстающих птенцов хватают пернатые разбойники, да и сами гагачатки, еще слишком слабые, иногда погибают в пути от утомления (3/VII 1929 г. на о. Харлове в долине, спускающейся к бухте Леонтия, по которой шел путь шести переселявшихся выводков, я нашел двух мертвых гагачат). Поэтому нужно считать целесообразным обычай норвежцев забирать

птенцов в корзину и доставлять их к морю там, где переход к воде для них сколько-нибудь затруднителен; этим путем можно избежать значительной потери гагачат—пуховичков.

Некоторые выводки проводят первое время на пресных водоемах, тогда как большинство с самого раннего возраста приучается жить на границе между кипящим морским прибоем и черными береговыми валунами. Нужно видеть, как крошечные пуховички, предводительствуемые матерью, гребут от берега в открытое море, испуганные появившимся человеком. Они то медленно всплывают на высокую стену океанской волны, то, вытянув шейки, разом ныряют вперед, когда стремительно рушится под ними огромный зеленопенный гребень, то вдруг надолго исчезают в глубокой впадине между волн...

Постепенно выводки соединяются по несколько вместе, в эти группы вливаются многие холостые самки *); такие стаи до осени кочуют вдоль берегов в поисках удобных мест и спокойных кормежек, в зависимости от переменчивых ветров и прибоя.

Старые селезни бывают около гнезд только первое время кладки, и едва самки сядут насиживать, уходят, соединившись стаями, в море или на уединенные островки, где линяют в летнее перо; в это время они скрытны и редко попадают на глаза.

Осенняя жизнь. В октябре—ноябре происходит линька в зимнее (брачное) перо, нередко уже далеко от мест гнездовий, т. к. самцы рано начинают свой отлет в теплые области моря. Самки с подросшими молодыми отлетают позднее; если, по метеорологическим условиям осени, выводки не успевают к этому времени подрасти, гаги оставляют их на произвол судьбы. При разновозрастности птенцов, обуславливае-

*) Нередко приходится видеть также одну самку с птенцами из разных выводков, „усыновленных“ птицей.

мой повторным разорением гнезд, наиболее запоздалые выводки, надо думать, погибают даже у Мурманского берега, где жестокие штормы начинаются с конца августа, а снег иногда выпадает рано в сентябре.

Враги гаги и борьба с ними. Врагов у гаги, особенно взрослой, не много, и самый страшный из них — человек: ворон (*Corvus corax*), поморники (солдаты, фомки-разбойники, как их зовут на севере, — *Stercorarius crepidatus* и др. виды), серебристая чайка (*Larus argentatus*), морская чайка (*Larus marinus*), полярная чайка или бургомистр (*Larus glaucus*), быть может также клуша (*Larus fuscus*) расклеывают яйца гаги и хватают ее птенцов. Особенно вредна крупная темноспинная морская чайка; на о. Харлове, по моим наблюдениям, она не только кормится сама, но и выкармливает своих птенцов кровавым желтком яиц других птиц, главным образом, гагачьих. Там, где нужно будет начать с ними борьбу, выгоднее всего вести ее путем собирания яиц этих видов, обычно гнездящихся на земле, по соседству с гагой. Стрельба ни в коем случае не может быть рекомендована, так как отпугнет гагу; лучше отравлять начиненными стрихнином яйцами (применяются в Америке для сорок и др.) или ловить капканами. Следует иметь однако в виду, что известное не слишком большое число крупных чаек необходимо для благополучия гагачьей колонии, среди которой гнездятся эти морские разбойники. Имеются определенные наблюдения для Гренландии, Аляски и др. мест, указывающие, что гаги охотнее занимают островки, на которых гнездятся 2—3 пары морских чаек или живут по близости кречета. Эскимосы считают названных птиц «хорошими сторожевыми собаками», не допускающими (конечно, с целью защитить свои, а не гагачьи гнезда) к острову песцов и лисиц. Сами же хищники, мне думается, при непрерывности насидивания у гаг не могут в нормальных условиях принести гнездам большого

вреда *). Местами казарки являются конкурентами и врагами гаги; в некоторых случаях, быть может, следует вести борьбу и с этими птицами. Крупные сокола и орлан белохвост изредка хватают взрослых птиц; четвероногие хищники—белый медведь, песец, лисица истребляют при случае яйца и птенцов гаги массаами; выдра и горноста́й у наших берегов если и вредят, то незначительно. Наиболее опасных из этих врагов, обнаруженных на островах в гнездовое время, нужно ликвидировать немедленно.

Довольно многочисленны у гаги паразитические враги из червей, в гнездах—нередки блохи.

*) Подобные отношения водяных птиц и хищников для тундровых условий отмечены многими авторами.

III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГАГИ.

Вместе с жемчугом, семгой, бобрами и морским зверем—гагачий пух был одним из тех богатств севера, которые шесть—семь веков тому назад привлекали на берега «студеного моря» ватаги новгородцев ушкуйников, а позднее вызвали захват и колонизацию этого края. Вероятно при первом знакомстве с «мурманской лопью» и «карельскими детьми» русские узнали о гагачьем пухе *) и с тех пор не только получали его в обмен, но и сами собирали вначале по Терскому берегу и Мурману, а затем и на Груманте (Шпицбергене) с Новой Землей в свободное от звериного промысла время.

К концу пятнадцатого века по северному побережью уже был раскинут ряд «сидевших врозни» поселений, и нет сомнения, что промысел гагачьего пуха уже был здесь развит и для личного потребления и для продажи голландским купцам, т. к. в документах, относящихся к сношениям с ними, в XVII веке значатся и «перья куропацьи» и «пух птичий».

В литературе по северу отдельные указания об использовании гагачьих гнезд встречаются часто, но большинство из них, повторяя друг друга, неверно рисуют

*) Подтверждением сказанному служит происхождение слова гага, явно не русского. Прежде оно писалось гавка и гагка; последнее неотличимо от финского названия этой птицы—*hagka* и близко к лопарскому—*havda*.

самую обстановку промысла. Собираение пуха описывается как занятие, сопряженное с необычайными опасностями. Промышленникам, якобы, приходится спускаться на веревках с отвесных скал, рискуя разбиться об острые камни при падении. В действительности этого почти не бывает: выше было уже сказано, что гага предпочитает гнездиться на пологих берегах и круч избегает. В описаниях такого типа отразилась, с одной стороны, обычная склонность пострашнее изображать все то, что лежит за полярным кругом, с другой — отголоски правильных представлений о трудностях, связанных с добыванием на пахтах яиц кайр, гагарок и моевок.

Хищнический характер нашего промысла прежде.

Но в одном все эти данные совершенно правильны и сходны — в характеристике наших способов использования гаги, как хищнических. Вот что пишет, например, Н. Озерецковский, проезжавший вдоль Мурманского берега в 1771 году. «Гапки... водятся по всем берегам и островам, особливо же ближайшим к северу и имеющим каменные утесы. Сими неприступностями стараются они укрыть себя от промышленников, истребителей их рода, грабящих не токмо выщипанный для согреяния в гнездах выводимых цыплят драгоценной пух, но и надежду их плодородия, яйца. За пух гапки не столько бы стояли, взмогая оной вытереблять вновь из своего брюха; но похищение яиц наводит им едва переносимую досаду. Исландские жители приготавливают в домах своих для сих птиц места, на коих они свивают свои гнезда. Хозяин несколько раз в году выбирает из оных пух; но гагка не отлетает и не оставляет того дома, где ее гнездо, для того, что хозяин, выбирая как будто за оброк пух ее умеренно, оставляет яйца ее безвредно... Яйца употребляются (нашими) промышленниками в пищу, а пух в Архангельск в продажу. Труды и смертельные опасности в доставании оногo пуха награждаются дорогою его ценою, ко-

торая по вычищению от 2 до 3 рублей за фунт возвышается» *).

Все позднейшие авторы также обвиняют северян в постоянном и полном разорении гагачьих гнезд. Н. Данилевский, обследовавший в 1859 году рыболовство Онежского и Кандалакского заливов, говорит, что в летнее время женщины береговых селений ежедневно ездят на острова за яйцами гаг и чаек, которые не только употребляют сейчас же на еду, но и собирают про запас. С. Максимов в 1871 году упоминает, что на Колгуеве промышленники берут дань яйцами и с гаги; Кривошея в 1884 г. указывает на сильное истребление гагачьих яиц колонистами Новой Земли; А. Силантьев в работе 1898 г. пишет следующее: «мало ему (промышленнику) пуха из гнезда, нет он обязательно забирает и яйца, хотя бы совершенно уже насиженные, для того только, чтобы бросить их через несколько времени, убедившись в их негодности, да и не упустит случая прикончить палкою самих подвернувшихся под руку уток» **). Со стороны правительства все мероприятия по борьбе с разорением гнездовой гаги сводились к запрещению собирать яйца всех морских птиц, что в полной мере является совершенно невыполнимым по условиям северного быта. Так как гага при этом не выделялась из числа таких бесполезных видов как чайки, то и ее гнезда продолжали подвергаться разорению столь же часто, как прежде, но с оглядкой, не больше. В то же время такая необходимая мера, как издание для распространения среди жителей побережья бесплатной брошюры о необходимости охранять гагу и правильно ее эксплуатировать, предложенная Н. Данилевским в 1859 г., не была осуществлена за срок почти в три четверти века!

*) Напомню, что в те времена целый олень стоил 2 рубля.

***) Этот перечень литературных свидетельств при желании можно сильно увеличить.

Истребление гаги в послереволюционный период. Из этого периода времени, к стыду охотничьей кооперации севера, двенадцать лет падает и на послереволюционные годы. Естественно, что и после революции у населения в отношении к гаге нельзя найти никаких перемен. Некрасов сообщает, что в 1924 году в районе Соловецких островов было разорено до 95% гагачьих гнезд и только в 1925 году в результате охраны, проведенной Соловецким отд. архангельского о-ва краеведения, число разоренных гнезд удалось снизить до 60%. По собранным мною сведениям в прошлом (1929 г.) в районе Поноя жители не только забирали пух и яйца, но стреляли самок, привозили на острова собак, которые искали гнезда и распугивали птицу. Неутешительную картину застал я в этом же году на островах восточного Мурмана: На Харлове, Вешняке, Кувшине и Лицких гагачьи гнезда страдали от команд временно остановившихся здесь пароходов, от служащих маяков, от поморов, высаживавшихся сюда в ожидании удобной воды или ветра, от их «женок», выходявших на сушу из ловецких карбасов отдохнуть от приступов морской болезни, а более всего от налетов небольших артелей женщин, приплывавших на карбасах в тихую погоду со специальной целью собирать пух и яйца. Далеко не все жители становищ и колоний занимаются собиранием пуха специально; это делают обычно небольшие группы, нередко скрывающие одна от другой предполагаемый день выезда за пухом, с целью начать сбор первыми, а не вторыми. Обиженные опоздавшие в свою очередь спешат на острова наверстать потерянное и нередко разоряют вторые кладки у птиц, только что пострадавших, но восстановивших гнезда. Подобное «соревнование» бывает и между соседними селениями, т. к. часто не существует твердо установленного распределения островов для использования тем или другим из селений (поэтому приписка угодий может и здесь сыграть свою полезную роль). Такое беспоря-

дочное посещение островов нередко имеет результатом чрезмерное запаздывание или полное отсутствие птенцов у большей или меньшей части самок гаги; запоздалые выводки, как уже говорилось, при ранней осени могут погибнуть. Я осмотрел на островах Харлове и Вешняке не мало гагачьих гнезд уже использованных поморами, и должен отдать справедливость этим людям: яйца все-таки были взяты не из всех гнезд, а видимо только из тех, где они не были «запарены» (насижены). Таким образом у некоторой части населения известная доля заботы о будущем промысла, зародыши хозяйственного отношения к гаге имеются, но, видимо, далеко не везде. На этих людей и нужно будет опираться в дальнейшем, при работе по восстановлению численности гаги.

Совсем иначе ведут себя на островах дорвавшиеся до гнезд команды пароходов—эти забирают все: пух выскребается до земли, яйца увозятся, не взирая на их насиженность. Такому случайному, а потому безудержно хищническому элементу доступа на острова быть не должно.

До сих пор в изобилии имеются также люди, а к ним между прочим принадлежат служащие некоторых маяков, стреляющие гагу в летнее время. Как я мог убедиться лично, будучи плохими стрелками, они предпочитают «охотиться» за гагой-наседкой, которая так смирна и доверчива, что ее можно убить камнем. Наконец молодежь становищ в теплые дни приезжает на острова «погулять», при этом гоняют и стреляют гагачат, разоряют гнезда; «развлекаются», как могут.

Нужно сказать, что и при выборе из гнезд одного только пуха, далеко не все кладки остаются целыми. Из личных наблюдений я знаю, что в первое время гнездования гага, будучи спугнутой с гнезда человеком, долго (после выстрела даже часами), не возвращается к насиживанию. Этим временем пользуются чай-

Вредная для гаги сторона собирания пуха.

ки и поморники, чтобы расклевать яйца. Поэтому после тревоги, которую производит на колонии выемка пуха, многие яйца гаг оказываются расклеванными. Поморы уверяют, что это делает «с горя» сама гага. Но уже простой осмотр пробоин на скорлупах указывает на чаячью, а не гагачью форму разбившего их клюва. Насиживающая самка, как упоминалось выше, крайне редко сходит с гнезда, а покидая его в начале кладки прикрывает пухом и веточками, так что оно становится мало заметным. Это дает гаге возможность успешно выводить птенцов даже в ближайшем соседстве с ее злейшими врагами—морскими чайками (на Вешняке я нашел гагачье гнездо с благополучно вышедшим птенцом и несколькими яйцами на расстоянии 2—3 метров от гнезда *Larus marinus*, а на Харлове другое гнездо гаги, расположенное среди огромной колонии серебристых чаек в 3—4 метрах от ближайших их гнезд). Человек нарушает это естественное положение, нарушает во вред гаге и не в пользу себе.

Спугнутые наседки обычно улетают на море и, соединившись там к стае холостых самок или ранее спугнутых соседок, плывут некоторое время следом за человеком, идущим по берегу, а затем, когда он несколько отдалится, выходят на землю и возвращаются на гнездо—пешком, если оно близко,—на крыльях, если далеко от воды. Чем ближе к концу насиживания, тем быстрее потревоженная гага возвращается на гнездо, и если в нем имеются надклюнутые яйца или необсохшие птенцы, спугнутая самка нередко только отходит на четыре—пять шагов в сторону и, тревожно, как бы со стоном покряхтывая, ждет, пока не уйдет нарушитель ее покоя. Тогда в перевалку, спотыкаясь о камни, бежит гага к гнезду, и нужно видеть, как успокоенно усаживается она на неуспевшие еще остынуть яйца, как нежно отвечает попискивающему из скорлупы утенку. В такие моменты эта неуклюжая утка-мать глубоко трогательна;

трудно представить, как могут люди стрелять ее в это время для супа.

Необходимость производить сбор пуха ближе к концу насиживания. Несомненно, что в связи с большей горячностью гаги к гнезду на поздних стадиях насиживания, сбор пуха именно в это время будет более рациональным, лишая чаек возможности уничтожить то количество яиц, которое им достается при раннем сборе пуха. А оно, видимо, не мало, так как местами число разоренных птицами гнезд доходит до 30%. В свое время было указано, что в связи с изменчивой деятельностью морских течений и непостоянством северных ветров, календарные сроки начала кладки яиц у гаги могут колебаться в пределах трех недель. Таким образом неопределенными являются и сроки конца насиживания у гаги, а следовательно и желательные сроки для сбора пуха. Важно поэтому наметить не календарные, а природные, легко заметные указатели, близко и постоянно совпадающие по времени с концом насиживания у гаги. По моему мнению таким фенологическим указателем для начала сбора пуха на Мурмане можно считать полное цветение и отцветание моршкы на островах *). Эта же примета, возможно, будет верной и в других районах севера, хотя нужно искать и, вероятно, удастся найти лучшие.

Техника сбора пуха. Сама техника сбора пуха совсем не сложна. Приехавшие на остров оставляют карбас так, чтобы его не унесло и при высокой воде; устроив «посудину», отправляются искать гнезда, иногда разделившись, иногда построившись цепью—в зависимости от распределения гнезд и

*) Измеренная в 1927 г. Н. Галаховым по методу проф. Погенполя сумма температур, необходимая для зацветания моршкы у ст. Чупа (близ полярного круга в Лапландии), равна 1990°С, температурные данные в дальнейшем тоже можно будет использовать для нашего дела.

колоний. Места гнездовой гаги бывают ею заняты ежегодно в течение длинного ряда лет и, потому, хорошо известны населению. Кроме того, все сборщики пуха отлично знают несложную сумму условий, которым должны удовлетворять места, занимаемые гагой под гнезда; при поисках даже ребяташки действуют весьма уверенно. Пух собирают в мешки, чаще всего из-под муки, особенно старательно вынимают его из лотка, где он всегда чище. Испуганная гага, слетая с гнезда, очень часто извергает в него зеленую и вонючую жидкость (мочу), которая заливает и яйца и лучший пух, выстилающий глубину лотка. Приходится выбирать только часть гнезда, не залитую жидкостью, при этом значительное количество пуха пропадает, а руки к концу дня так пропитываются духовитой зеленью, что отмыть их удается не скоро. Там, где гага является полудомашенной, она безбоязненно позволяет запускать под себя руку и выбирать даже яйца; при таком методе не бывает дурных последствий испуга и потери пуха от загрязнения.

Улучшенный
метод собира-
ния пуха.

Кропотливая очистка пуха будет значительно облегчена, если собирать его не в один общий мешок, как это у нас практикуется, а в 2—3, сортируя тут же на месте по степени засоренности растительной ветошью. В таком случае пух с большой примесью сора не будет смешиваться с более чистым и затруднять обработку последнего. По моему мнению, достаточно различать следующие «сорта»: первый—чистые пуховые гнезда, изредка встречающиеся на голых каменистых местах или плотном торфе, а также сравнительно чистый пух из лоточков гнезд, более засоренных; второй—гнезда, равномерно, но слабо засоренные, и более чистая выстилка лотка сильно засоренных; третий—сильно засоренные гнезда, засоренные края гнезд двух предшествующих категорий.

Продвижение по берегу в поисках гнезд часто бывает довольно утомительным из-за обильно встречающихся в таких местах крупных камней, крутых ступеней и глубоких трещин, рассекающих коренную породу и нередко заставляющих делать дальние обходы. Все же на осмотренных мною островах соби́рание пуха—дело совсем не такое опасное, как добывание яиц серебристых чаек, а тем более моевок или кайр.

Дневная добыча пуха. Количество пуха, которое можно собрать за день, зависит как от численности гнезд, плотности их расположения, так и от проходимости берега. На Вешняке, производя общее обследование острова и уделяя далеко не все свое внимание регистрации гагачьих гнезд, я нашел их около пятидесяти (не считая имевших пух, но разоренных чайками). Считая по 25 грамм чистого пуха из одного гнезда, я мог бы собрать его 1,25 кг за пяти-шести часовую экскурсию. Нужно принять во внимание, что остров был до моего приезда несколько раз обобран поморами, и часть гаг еще не восстановила гнезд. Некоторые из приехавших сюда женщин увезли по 2—3 кг чистого пуха; это, конечно, не максимальная добыча даже и для оскудевшего Мурмана.

Безвредность вынимания пуха для кладки. Вернувшись к насиживанию, гага изменяет расположение потревоженных человеком яиц и несколько восстанавливает самое гнездо. Уже на другой день можно бывает заметить некоторое увеличение количества пуха и более правильное расположение по лотку отдельных оставшихся пушинок, верхние края гнезда окружаются растительным материалом. На Харлове мною было проделано более десятка наблюдений над гнездами, из которых был выбран пух. (Во всех случаях на дне лотка оставалось немного сорного пуха или туда подкладывалось некоторое количество сухой травы). Все гаги без исключения продолжали насиживание, и некоторые до

моего отъезда успели благополучно вывести птенцов и уйти с ними на море; погибших яиц в этих гнездах не наблюдалось. Таким образом аккуратное и не слишком раннее (см. выше) выбирание пуха не отзывается неблагоприятно на размножении гаги. Поэтому неправы наши ретивые теоретики охраны природы, ратующие за со-

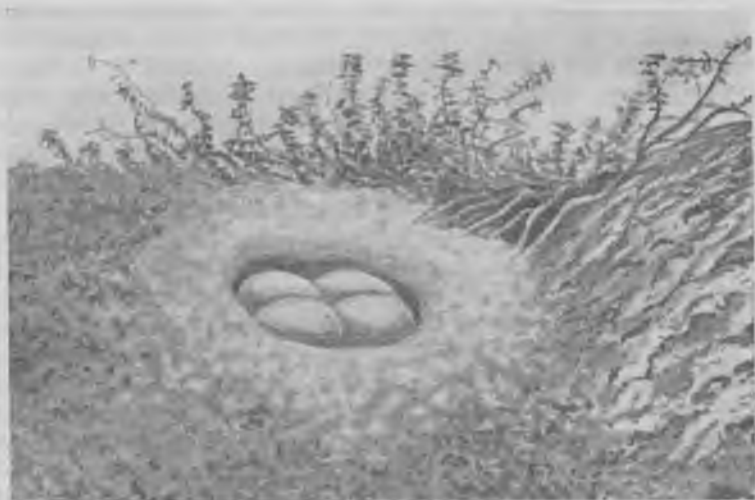

Рис. 5. Гагачье гнездо с чистым и обильным пухом на ровной тундре вершины острова, под защитой валуна. Кругом—вороница 27. VI. 1929. О. Харлов.

бирание пуха только по окончании насиживания и по уходе птенцов. Покинутое птицами гнездо нередко вымокает под дождем, лучший чистый пух из него разносится ветром, а оставшийся сминается и засоряется попадающей в него растительной ветошью,—эти гнезда быстро теряют значительную часть ценности. Такое наиболее позднее собирание пуха желательно в целях охраны

гаги, но его можно рекомендовать лишь на маленьких островах, где все гнезда известны на перечет и ежедневно могут быть осматриваемы, или при условии расположения колонии прирученных гаг непосредственно у человеческого жилья.

Использование гаги на Западе.

Системы использования гагачьих колоний на западе весьма разнообразны. На сравнительно больших, редко посещаемых человеком островах норвежцы обходят гагачью колонию один раз за лето в срок, устанавливаемый в связи с погодой и близкий к вылуплению птенцов; при этом пух выбирают без различия покинутых или еще насиживаемых гнезд. Значительно чаще в Норвегии и в других странах практикуется более интенсивное использование гаги. Первое гнездо забирается полностью, т. е. вынимают и пух и яйца, которые не только идут на еду, но и запасаются впрок, солением или хранением в снятом молоке *). Иногда выбирают яйца по одному тотчас же после их появления и тем заставляют гагу нестись более долгое время, т. к. она стремится довести кладку до нормального числа. Если первое гнездо взято целиком, то из второго принято вынимать пух только по выходе птенцов, а яйца если и берут, то не все, оставляя гаге часть их для высиживания. Можно заставить гагу положить и третью кладку (забрав вторую), но пуха при этом получают совсем мало; кроме того, опытом населения Исландии установлено, что при таком чрезмерном использовании среди гаг-наседок бывает большая смертность от истощения.

*) Полезно было бы и у нас применять некоторые из простейших способов предохранения яиц от порчи, т. к. при незнакомстве северян с этим делом, много собранных яиц чаек и др. птиц пропадает зря.

**Необходимость
запрещения со-
бирать яйца
гаги.**

Таким образом в правильно поставленном хозяйстве вполне возможно без вреда для дела использовать некоторую часть гагачьих яиц, но при повсеместном уменьшении у нас численности этой ценной птицы, собирание яиц должно быть запрещено категорически и надолго, т. к. только при таких условиях можно рассчитывать на быстрый прирост запасов гаги. Провести это запрещение безболезненно тем более легко, что на большинстве гагачьих островов имеется множество гнезд бесполезных, а иногда и вредных чаек и поморников, яйца которых населением широко используются. Собирание яиц этих птиц разрешено и в Норвегии, в общем гораздо более бережливой по отношению к природным ресурсам страны. Наша беда не в том, что поморы после темной голодной зимы и нередких заболеваний цынгой набрасываются весной на яйца диких птиц и поедают их во множестве; беда в том, что забирают их одинаково часто у ценной гаги и никчемного поморника; горе в бессистемности и неорганизованности индивидуальных налетов на гнездовья, в силу чего гнезда одних и тех же особей разоряются три-четыре раза под ряд за лето. Это фактически лишает их возможности вывести потомство, тогда как часть соседей, по счастливой случайности, совсем избегает этой печальной участи. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что наше более суровое по климату побережье характеризуется более коротким периодом, удобным для гнездования, и потому всякое отодвигание кладки к осени сказывается на птицах болезненней, чем на северо-западе с его близостью к мощным струям теплого течения, смягчающим климат Норвегии и Исландии. Эти соображения должны заставить нас в собирании яиц быть более осторожными. Коллективное, правильно организованное добывание яиц чаек и собирание пуха гаги не только не повлекут за собой уменьшения численности эксплуатируе-

мых видов, но без сомнения скажутся на ней благоприятно. Существующие неясные запреты не достигают цели; нужно не столько запрещать, сколько учить, руководить, организовывать. В противном случае и острова, еще уцелевшие от разгрома, превратятся в такие же мертвые клочки земли, каких уже не мало поблизости от селений.

IV. УМЕНЬШЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ГАГИ, КАК РЕЗУЛЬТАТ ХИЩНИЧЕСТВА; ПОЛОЖЕНИЕ ГАГИ В СТРАНАХ ЗАПАДА.

Отлетела ли гага или истреблена.

На Белом море, на Мурмане и на Новой Земле не редкость услышать от жителей, о том, что гаги теперь стало много меньше, но она не истреблена, а просто стала «пух класть в другом месте» — перешла на более спокойные острова. Таких островов, куда бы она могла перейти и где за последние десятилетия ее бы стало больше, нет и не было; хорошо утешать себя, говоря «не истреблена, а ушла», но это совершенно неверно, и утешаться таким самообманом — смешно. Гага, как и большинство других птиц, очень привязана к месту, где появилась на свет, она возвращается на него из года в год, хотя бы и подвергалась преследованию. Это подметили и сами промышленники: в Поное сотруднице зоологического музея Академии Наук Е. Гурьяновой пришлось слышать такую любопытную фразу про гагу: «Зорим мы ее зорим и бьем из году в год, а она все на эти острова прилетает». Прилетает, — это верно, но все в меньшем и меньшем числе. Для ближайших к Поною Трех островов Миддендорф, а позднее Никольский, отмечали множество гаг, а теперь их здесь нет совершенно. Во всех описаниях севера, в записках, газетах, в отчетах научных экспедиций уже много десятилетий

под ряд повторяются жалобы на повсеместное уменьшение гаги. Из данных уже цитированного Озерецковского (1772) видно, что в его время жители Колы собирали не мало пуха, а теперь не только у Колы, но и по всему огромному заливу даже саму гагу летом увидишь изредка и лишь у самого выхода в море на островах кое-где можно найти одиночные гнезда. Н. Дергачев в «Статистических очерках Лапландии» (1869) считает лопарей побережья за исконных истребителей гагачьих яиц и говорит «через этот сбор яиц уничтожается порода этих птиц... таким образом год от году их становится меньше...».

«В непосредственном соседстве с городом Александровском и большими становищами Мурманга гага малочисленна, не столько вследствие прямого преследования, сколько вследствие нерационального сбора яиц» отмечает Н. А. Смирнов уже тридцать лет назад. Остров Гагачий в Пала губе (добавлю я от себя), является «гагачьим» только по названию, да и как тут водиться птице, если весной 1929 года даже яйца чаек были здесь раздавлены сапогами каких-то «любителей природы», приехавших из Александровска.

«Богатейшие когда-то колонии гаг на Мурманском берегу теперь почти совсем разорены, и только кое-где сохранились их жалкие остатки. Это вызывает необходимость в принятии самых неотложных мер к охране этого природного богатства севера,» — читаем в работе А. Силантьева 1919 года. Не избегала той же участи и гага менее населенных районов. «До поселения на Новой Земле самоедов их (гаг) было много на островах Мало-Кармакульского залива, а равно на Гагачьем острове. Промышленники жалуются на норвежцев, которые будто-бы обирают начисто все острова, где гавка пух садит. Нужно видеть, какие, часто бесцельные, опустошения производят сами самоеды, чтобы понять отчего гавка, с их поселением на Н. Земле, начинает встречаться реже и на берегу и

на островах Моллерова залива.»—пишет Н. Кривошея в 1884 г. За истекшие сорок пять лет уменьшение числа гаг на Новой Земле сделало вперед огромные шаги. Особенно заметно сказалось хищничество всюду там, где поселения русских существуют несколько столетий —

Рис. 6. План о. Харлопа (около 3 км длиной); точками обозначены 47 гнезд гаги, найденных при обследовании в 1929 г. Видно, что на северном берегу гнезда сгруппированы у бухт; на южном это не так бросается в глаза. Остров расположен близко от становища, имеет маяк, поэтому гага на нем сильно истреблена.

обширные участки побережья, заливы, бухты, и острова, по всем признакам вполне пригодные для существования гаги, оказываются теперь такими пустынными, что кажется будто она здесь никогда и не водилась.

Гага в Норвегии. Какой разительный контраст с Норвегией, в которой гага более многочисленна именно у селений, т. к. последние, будучи расположенными в защищенных со стороны моря местах, являются удобными для этой птицы, а кроме того, что самое главное, дают ей надежную охрану от посягательств

четвероногих и пернатых врагов. И гага ищет здесь в гнездовое время покровительства человека, хотя в другое время года она так же осторожна, как и у нас. Многие авторы рассказывают о гагах, которые в Норвегии гнездятся под навесами для лодок, на дворах и даже нередко заходят в самые рыбацьи хижины. Удостоверены случаи, когда рыбак, вернувшись с ловли, уступал свою постель, чтобы не беспокоить птицу, выбравшую его ложе, как спокойный уголок для высиживания; указывают на одну семью, которая вынуждена была целый месяц готовить себе пищу во временной кухне, т. к. прихотливая птица заняла под свое обиталище их кухонный очаг.

**Гага в
Исландии.**

Для нас особенно поразительны те успехи, которых добились жители Исландии, уже в пятнадцатом веке имевшие представление об основных правилах ведения гагачьего хозяйства. Нигде охрана и использование этой птицы не поставлены так широко и научно, как в Исландии; еще в половине восемнадцатого века правительство предложило премию за лучший проект покровительства гаге, и вот какие картины встречают приехавших сюда путешественников: «Мы высадились на скалистый изъеденный волнами берег. Перед нами было самое удивительное орнитологическое зрелище, какое только можно себе представить. Повсюду были гаги и их гнезда; большие бурые самки сидели на гнездах в огромных количествах и на каждом шагу выскакивали из-под наших ног. Лишь с большим трудом нам удавалось не наступать на гнезда. На противоположном берегу, как раз над уровнем прилива тянулась очень толстая стена из больших камней вышиной около трех футов. Из низа стены, с обеих сторон было вынуто через один по камню, так что образовался ряд квадратных помещений, служащих птицам гнездами. Почти каждое помещение было занято, и пока мы шли вдоль берега, из них вылетала целая вереница гаг, одна за другой. Поверхность воды была совершенно белая, от сам-

цов, приветствовавших своих буроватых подруг громким и шумным криком. Даже дом человека был настоящее чудо. Окружающие его земляные стены и отверстия окон были заняты гагами; вокруг дома, на земле, бахромой сидели те же птицы. Мы могли их видеть также на торфяных скатах крыши, а одна гага сидела на скребке у порога. На лужайках, обращенных к морю, дерн был снят квадратными кусками величиной около 18 кв. дюймов, и каждая из образовавшихся ямок была занята гагами. Этой птицей были наводнены ветряная мельница, все надворные постройки, все бугры, все скалы и трещины. Гаги были повсюду. Многие из них оказались такими ручными, что мы могли гладить их на их гнездах, а хозяйка сказала нам, что вряд ли на всем острове найдется хоть одна наседка, которая не позволила бы ей взять из гнезда яиц без страха и сопротивления». (Из описания Шепарда для северо-западного полуострова Исландии).

Способы привлечения гаги. Исландцы не только сумели сохранить и увеличить численность гаги на тех местах, где она водилась, но добились того, что она заселила такие островки, где ее раньше не было. В инструкциях, опубликованных в 1877 г., рекомендуется выбрать скалистый остров или выступ; в последнем случае участок хозяйства должен быть со стороны суши отделен забором, чтобы предотвратить появление собак и других крупных животных. Самое важное—это заранее устроить места для гнезд, насколько возможно защищенные от дождя и резких ветров. Очень хороши убежища из пластин торфа на подобие домика, прикрытого сверху камнем или доской; выход должен быть в сторону моря. На ровных участках можно устраивать места для гнезд, выкапывая в торфе ямки или короткие полуноры, которые сверху прикрывает приподнятый торф. Складывают также кучи, или, как мы видели выше, целые стены камней со многими нишами для гнезд. Будущее

гнездовье должно иметь такой вид, словно оно и раньше имело обитателей; «гнезда» заполняются сухой травой или водорослями, на которые сверху бросают скорлупки яиц, попадающий в ямки снег должен быть заблаговременно вычищен. Для укрытия домиков служат кусты или ветки, а для привлечения птиц иногда раскладывают «украшения» в виде перьев ворона, чайки, цветных лоскутов сукна, раковин мидий и морских водорослей. Было также найдено целесообразным подвешивать кусочки железа, которые звенят от ветра, и особого рода колокольчики, приводимые в движение водой. Самок привлекают чучелом самца, сделанным из дерева, резины или олова и спущенным на море близ берега.

Охрана гаги довольно быстро дает **Эффективность охраны гаги.** осязаемые результаты: указывается чай, что одна семья на острове Vigr (близ Исландии) за двадцать лет владения этим клочком земли повысила продукцию пуха с 15 фунтов до 100 (или с 300 приблизительно гнезд до 2000); продукция Исландии с 2000 английских фунтов пуха в 1806 г. поднялась до 7.000 фунтов к 1870 году.

И в нашей стране каждая попытка улучшить бедственное положение гагачьих гнездовий была вознаграждена быстрым увеличением количества добываемого пуха, что говорит о скором восстановлении колоний. Так обстояло дело у Соловецкого монастыря на Белом море, о чем не сохранилось точных данных, у Трифоно-Печенгского монастыря на Западном Мурмане. В последнем случае хозяйство велось на Айновских островах (площадью в 200 га), переданных монастырю в 1887 году вместе с богатыми покосами, зарослями морошки, колониями тупиков и сильно к тому времени оскудевшими гагачьими базарами. Начав хозяйство с 50 гнезд гаги, монастырь довел их число до 1.000 *). По сведениям, лю-

*) Данные о числе гнезд нуждаются в проверке, т. к. взяты мной из статьи П. Е. Васильковского „Фауна Ленинградской области“ 1923 г., имеющей много ошибок.

безно мне переданным проф. Б. М. Тихомировым, на Айновских островах охрана велась только в гнездовое время двумя монахами, жившими в специальной сторожке. Больше всего они боялись появления какого-либо случайного судна, т. к. и здесь базары особенно страдали именно от таких посетителей. Пух монахи собирали только из покинутых гнезд, яйца гаг оставляли в покое, но у чаек, тупиков и поморников их собирали постоянно.

Хозяйственные опыты отдельных лиц также быстро давали желательные результаты. Недавно колонисту Новой Земли, Боголепову, охранявшему гагу на одном острове в Черной губе и устроившему искусственные лунки для гнезд, за два года удалось удвоить число гаг-наседок; к сожалению, он не имел возможности продолжить свой опыт.

При работе по восстановлению численности гаги быть может удастся ускорить дело путем инкубации (искусственного высидивания) ранних кладок, которые можно забрать в расчете на то, что самки высидят вторые кладки. Птенцы, вышедшие в инкубаторе после первых дней подкормки, должны быть подпущены к тем самкам, которые в это время уже будут иметь приблизительно равно-возрастных гагачат. Часто наблюдаемые случаи наличия при одной самке пуховичков, без сомнения происходящих из двух гнезд, указывает на то, что дикие наседки охотно будут усыновлять искусственно выведенных гагачат. Это, быть может, даст возможность почти удвоить ежегодный прирост колонии. Опыт инкубации гагачьих яиц, проведенный даже так примитивно, как это было у Соловецкого биосада (яйца высидивались на русской печи при отсутствии термометра)*) оказался вполне успешным:

*) М. Некрасов „Опыт одомашнения гаг в Соловецком биосаде“, Живая Природа 1925, № 23. Кстати сказать, одомашивание гаги производилось на западе неоднократно, птицы неслись в неволе и выводили птенцов, но дело это не рентабельно из-за особенностей питания гаги (см. Филипп, 1926).

из 189 яиц вышло 157 гагачат, погибших яиц было всего 32. Гагачата были более ручными, чем домашние утята того же возраста, старшие из них охотно брали под свое покровительство молодых. Правда, в конечном счете все они погибли, но уже по независящим от организаторов опыта обстоятельствам, и если бы не стремиться к ненужному, по нашему мнению, полному одомашнению этих птиц, а выпустить их своевременно к диким выводкам, они наверное бы уцелели. Конечно, нужна предварительная подготовка соответствующих опытов, прежде чем начинать это дело в широком масштабе, но, без сомнения, и оно может иметь значение для восстановления численности наших гаг. Из приведенных выше данных ясно, насколько своевременно и необходимо выполнить эту важную для севера задачу.

V. ОЧИСТКА, УПАКОВКА И ХРАНЕНИЕ ПУХА.

Собранный пух поступает в продажу или в том виде, как он был заготовлен, или в разной степени очищенным от посторонних примесей; таким образом различают пух сырец или гнездовой, получистый и чистый.

Процент отхода. Процент отхода значительно колеблется, в зависимости от того, как собиралась данная партия пуха и в каких условиях помещались гнезда; можно считать, что в среднем чистого пуха получается по весу всего 20—30% от сырца. Ручная очистка пуха, в том виде, как она у нас практикуется повсюду (и у кустарей и у крупных торговых организаций),—дело надоедливо-кропотливое и трудное. Засоряющие пух примеси, помимо того, что могут быть в нем то в большем, то в меньшем количестве, очень разнообразны по составу и своей способности слабее или крепче цепляться за нити пушинок, крошиться при вынимании или облипать пухом. Этим собственно и определяется легкость или трудность очистки пуха, который, например, исландцы, большие специалисты своего дела, в отношении примесей делят на травяной (grass—duun) и водорослевый (thang—duun). Привезенный мною с Семи островов пух содержал в себе следующие примеси: сухие ветки ворсницы и отдельные кусочки их, ветки черники, голубики, брусники, разных ив, полярной березки, сухие листья этих растений, листья и стебельки морошки, нескольких видов злаков, сухие ягоды вороницы, кусочки сухого

торфа, клочки мха, корковых и кустистых лишаяев, мелкие камешки, перья чаек и гаги (с брюшка и боков птицы), раздробленные скорлупки яиц, из которых уже вышли молодые, створки раковин, куски панциря и ножки крабов, мертвые жуки и т. д. Количественно преобладала вороница, затем листья морошки, перья и мелкие злаки. В то время как сухие кожистые листочки вороницы легко отделялись от пуха при выбивании и встряхивании, ее осыпавшиеся веточки, покрытые множеством мелких рубчиков, и зеленые верхушки с уцелевшими листьями сильно запутывались и цеплялись; их приходилось извлекать по отдельности. Много хлопот доставляют все крупные сухие листья, особенно морошковые, т. к. они разламываются на отдельные кусочки с цепкими узлами и зубчиками, которые хорошо прощупываются среди нежного пуха, и, оставаясь в нем, делают его жестким; их нужно выбирать по частям. Легче всего выбираются из пуха перья и длинные (не трухлявые, а крепкие) листья злаков.

Мне думается, что при устройстве искусственных гнездовий, лунок для гнезд и улучшении уже существующих ямок, нужно очищать их от «вредного сора» и выстилать не слишком мелкими, крепкими и гибкими листьями злаков или осок; последних легко набрать на пушицевых и осоковых болотцах, обычных по островам. Очистка собранного с этих гнезд пуха будет неизмеримо легче, чем с засоренных обычными примесями. Возможно, что в дальнейшем удастся выработать иные способы устройства гнездовий с целью облегчать очистку; в этом направлении следует поработать.

Наши северяне перед чисткой обычно сушат пух на русской печи, после чего сор делается ломким и легче выпадает, когда пух начинают выбивать прутиком. Некоторые чистят на ветру, встряхивая ком пуха в руках или крутят его на палке. Отдельные пушинки настолько хорошо

Способы очистки пуха.

между собой сцеплены, что не разлетаются даже и при этом способе.

На исландских гагачьих фермах пух чистят в специально предназначенных для этого комнатах особого рода ручными машинками, которые введены там в употребление уже с семнадцатого века. Очень было бы желательно перейти и у нас от примитивной обработки на очистку с помощью этих простых приборов, тем более что по опыту Госторга обычная механическая обработка для гагачьего пуха оказалась совсем не пригодной.

К сожалению, в доступной мне литературе не нашлось чертежей этих нужных для нас приборов; нижеследующие описания являются дословным переводом американских данных *). Аннандаль (Фарейские о-ва и Исландия 1906) сообщает о продолговатых деревянных рамах или укрепленных неподвижно или поддерживаемых рукою, на которых довольно свободно натянуты тонкие бечевки или ремешки. На них, ближе к одному концу, кидают пух, а по другому—быстро проводят взад и вперед костяной или деревянной лопаточкой. Пух пристаёт к веревочкам, но весь сор, как например, водоросли, трава, камешки или грубые перья, проваливается вниз. В старинном описании Фон Тройля (Письма об Исландии, 1780) этот же процесс описан следующим образом: «в квадратном ящике, на обруче, натягивается пряжа. На нее кладут пух, а затем заостренной палочкой водят взад и вперед снизу пряжи, благодаря чему более грубые перья просыпаются вниз, а пух остается на пряже.»

Упаковывать пух нужно в мешки из возможно более плотной ткани (обычно дешевые сорта пера и пуха домашних птиц упаковываются в рогожные кули, ценные сорта пуха диких водяных птиц—в полотняные мешки);

*) Заинтересованные организации предприняли сейчас по моему указанию попытку приобрести такие машинки за границей, но у нас ли это, сказать трудно.

хранить нужно с соблюдением тех же правил, что и в отношении пушнины. Он также подвержен нападению моли; мыши прогрызают мешки и, делая в пуху гнезда, очень его загрязняют. При хранении, как и при сборе, ни в коем случае не следует к гагачьему примешивать пух других птиц, это очень обесценивает первый. Пересылку пуха благодаря его легкости, удобно производить по почте.

VI. МЕСТНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ПУХА, ГАГАЧИИ ПУХ КАК ЭКСПОРТНЫЙ ТОВАР.

Лица, изучавшие наш промысел гагачьего пуха в период его расцвета, считали, что в экспорт поступало не более одной четвертой части всего добываемого количества; остальное использовалось на месте сбора и в городах самой страны. Близкие соотношения имеются вероятно и теперь, так как почти в каждом селении на севере найдутся теплые, сделанные из гагачьего пуха шарфы, детские шапочки и варежки; редкая жена-поморка не щеголяет в праздник своей «пуховкой» — гагачьим полушалком или платком местного изделия. Пряжа обычно берется шерстяная или бумажная, в которую обильно всучивается гагачий пух; сами вещи вяжут в длинные зимние вечера; они получаются на редкость теплыми, но на мой взгляд некрасивыми и несколько жирными на ощупь. Мне как то пришлось слышать жалобу колониста на то, что за гагачий шарф, стоивший на Мурмане шестьдесят рублей, в Ленинграде предлагали всего только десять. Это понятно — в городе увидели невзрачную внешность и не сумели оценить нежность, теплоту и практичность этой вещи, для севера почти незаменимой. Несомненно, что только при снабжении севера теплыми шерстяными вещами местное потребление пуха сократится и размер заготовки здесь можно будет увеличить; легче, конечно, изъять этот ценнейший продукт из торговли в городах, где спрос на него существует,

несмотря на высокую цену (200 руб. кг)—при легкости этого вещества цена оказывается не такой высокой.

В отношении организации заготовок и экспорта еще многое предстоит сделать: по полученным мною сведениям, из центра не экспортируется ни грамма по причине незначительности количества имеющегося товара; высказывались даже сомнения в наличии спроса за границей. Трудно, однако, себе представить, что этот, в течение столетий поднимающийся по цене продукт не может найти себе сбыта. И действительно сведения, которые у меня имеются из Архангельска, говорят о сильном заграничном спросе, в связи с чем местным отделением Госторга решено расширить деятельность по собиранию пуха, с какой целью даже заказаны специальные моторные боты. В первую очередь, конечно, следует организовать это дело там, где гнездовья еще не эксплуатировались *); усилить сбор пуха в тех районах Новой Земли, на которых замечалось хозяйничанье норвежцев, и создать им сильное противодействие. Важно учесть также возможность заготовки пуха тихоокеанской гаги, которая многочисленна на о. Врангеля и у берегов северо-востока Сибири. О том, что делается там в отношении пуха, мы ничего не знаем, но, по данным американцев, известно, что с Берингова пролива весной в пору пролета гага летит на запад, к нашим берегам, чуть не миллионными стадами.

Многое может дать улучшение самой закупки пуха на побережье, которой уделяется еще слишком мало внимания, а в ближайшие же годы—восстановление численности гаги на островах, где она близка к исчезновению. Этого нужно добиться. Только тогда мы сможем распорядиться тем количеством пуха, которое добывалось у нас около 130 лет назад. По данным Германа, в 1803 г.

*) Такие места, может быть, еще найдутся вдали от населенных частей побережья.

было вывезено гагачьего пуха на 137.681 р., а в следующем на 111.499 р.; принимая стоимость пуха в то время равной 4 р. за фунт, мы получим 30—35 тысяч фунтов. Герман считал это количество лишь за четвертую часть местного потребления; учитывая это, всю добычу пуха того времени (120—140 тысяч фунтов) по современным ценам нужно оценивать в 10—12 миллионов рублей,— сумма не такая незначительная, чтобы стоило ею пренебрегать *). По данным М. А. Мензбира (1902 г.), в те же годы, которые упоминаются у Германа, пуха вывозилось «более чем на 600 тысяч рублей», это дает 150.000 фунтов—цифру близкую к общей продукции по предыдущему источнику. Других данных по этому вопросу не имеется, и трудно теперь сказать, насколько правильны приведенные расчеты. Во всяком случае они не столь уж преувеличены, т. к. Исландия—остров с неизмеримо меньшей береговой линией,—может вывозить ежегодно 2.400—2.800 кг пуха.

Следующее место по добыче занимает Норвегия, но судить о ней трудно, т. к. много пуха остается не вывезенным: Феддерсен, большой знаток вопроса, считает (1890), что всего здесь получается 1.200—1.600 кг. Наконец, из Южной Гренландии датчане вывозят до 1.200 кг, (по Феддерсену), по новейшим данным несколько больше—до 2 тысяч кг ежегодно. Размеры нашей современной добычи, за отсутствием соответствующих данных,—указать невозможно; несомненно одно—она необычайно сократилась, и все, что приходит сейчас в Москву, измеряется двумя-тремя сотнями килограмм; количество пуха, поступающее в распоряжение торгующих организаций севера, также незначительно (в 1928 г. в Маточкином Шале было заготовлено 80 кг и в становище Русаново 250 кг). Как бы ни были преувеличены наши

*) Возможно, что сюда вошла некоторая доля пуха, добытого на Шпицбергене, на которую теперь нельзя рассчитывать.

предшествующие расчеты, сколько бы не пришлось откинуть из полученной суммы на счет шпицбергенского пуха, все же сто тридцать лет тому назад по добыче пуха наша страна стояла на первом месте. Мы можем снова занять его, т. к. наше северное побережье огромно, и нет недостатка в местах, удобных для гагачьих хозяйств. Значительное число островов по целому ряду условий, как я мог убедиться лично за время специальных обследований, совершенно не годится для пушного звероводства в современных его формах; гага дает возможность использовать эти никчемные участки земли. Спрос на гагачий пух переживал иногда небольшие падения, но они были значительно слабее тех, что не раз случались в пушной торговле. Исключительные качества гагачьего пуха создали ему такую известность, что он как был, так и останется на мировом рынке одним из ценнейших и нужных продуктов животного происхождения; одеяла, подушки, пальто и другие вещи на гагачьем пуху всегда будут самыми легкими, самыми мягкими и теплыми. В этом—значение для человечества существования и тысячелетней эволюции на севере рыжевато-бурой нырковой утки гаги.

ВИ. НЕОБХОДИМЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.

Привожу перечень первоочередных мероприятий по организации гагачьих хозяйств.

1. Произвести обследование берегов и островов, занятых гнездовьями гаги, учесть количество гнезд этой птицы, а также крупных чаек и поморников.

2. Провести приписку гагачьих угодий к коллективам сборщиков пуха определенных селений.

3. Ознакомить сборщиков пуха с хозяйственными методами использования гагачьих базаров (путем бесед или раздачи брошюр).

4. Запретить охоту на гагу, какую бы то ни было стрельбу близ гнездовий в летнее время и привоз собак на острова.

5. Всеми мерами бороться с собиранием яиц гаги, указав на возможность собирать яйца поморника, морской и серебристой чайки, где это будет разрешено.

6. Настаивать на позднейших сроках собирания пуха, возможно ближе к концу насиживания (первый раз) и по окончании насиживания (второй раз). Сбор производить организованно.

7. Устанавливать срок собирания пуха в связи с ходом весенней и летней погоды ежегодно.

8. При собирании пуха оставлять часть подстилки на дне гнезда, следить, чтобы чайки не расклевывали яиц.

9. При собирании пуха сортировать его по степени засоренности и класть в разные мешки, не примешивать к гагачьему пуху пуха других водоплавающих.

10. Через школы и избы-читальни ознакомить молодежь с гагачьим вопросом, возможно шире распространить эти сведения среди населения.

11. Предупреждать появление на гнездовьях случайных людей и разорителей гнезд из местного населения; если возможно организовать охрану на 30—40 дней кладки и насиживания у гаги.

12. Приступить в начале к опытам, а затем к широкому выполнению работ по устройству для гаги искусственных гнездовий, особенно на плоских и ветряных островах, не дающих гаге достаточного количества укрытий.

13. Следить, чтобы в продаже не было щипанного пуха гаги, особенно самок, и пуховых шкурок этой птицы.

14. Приступить к с'емке островов и картированию гнездовий.

15. Начать кольцевание самок и молодых гаг.

16. Начать вести запись наблюдений над прилетом, началом кладки, появлением детенышей и отлетом гаги. Обратить особое внимание на изучение брачного периода и семейной жизни гаги.

17. На высоких и крутых островах организовать доставку гагачат до берега в корзинах.

18. Начать работу по повышению качества пуха-сырца путем очистки от сора гнездовых ямок и подкладки вания злакового сена.

19. Приступить к опытам по инкубации и подпусканию гагачат к диким выводкам.

20. Организовать очистку пуха ручными машинками.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Главнейшая литература по биологии и (отчасти) использованию гаги.

1. Данилевский, Н. Отчет экспедиции для исследования рыбного и звериного промыслов в Белом и Ледовитом морях за 1859 г. Журнал Минист. Госуд. Имуществ., ч. 74, 1860-4, стр. 292—336.

2. Мензбир, М. А. Птицы России т. I, 1895.

3. Мензбир, М. А. Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа, 1900.

4. Bent A. C. Life histories of North American wild Fowl, Washington, 1925.

5. Collett, R. Norges fugle, 1868.

6. Naumann, Naturgeschichte der Vogel Mitteleuropas, Vol. X. 1905.

7. Phillips J. C. A natural history of the Ducks, v. IV, 1926.

8. Townsend C. W. A plea for the conservation of the Eider, Auk, 1914, v. XXXI.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. Гагачий пух и его особенности	5
Биологическая роль и ценность пуха	5
Признаки гагачьего пуха	6
Торговые сорта пуха	7
Ценность гаги	7
Необходимость охраны гаги	8
II. Биология обыкновенной гаги и ее родичей	10
Виды гаг нашей фауны и их распространение	10
Внешность обыкновенной гаги, половые, возрастные и сезонные изменения наряда	12
Основные червы биологии гаги, миграции	13
Удобные и малопригодные для гаги берега и острова	14
Пища гаги	15
Брачные игры, спаривания, соотношение полов	16
Прилет и время начала кладки	17
Выбор мест для гнездовья	18
Устройство гнезда	20
Насиживание, появление птенцов	20
Осенняя жизнь	23
Враги гаги и борьба с ними	24
III. Использование гаги	26
Хищнический характер нашего промысла прежде	27
Истребление гаги в послереволюционный период	29
Вредная для гаги сторона собирания пуха	30

Необходимость производить сбор пуха ближе к концу насиживания	32
Техника собирания пуха	32
Улучшенный метод собирания пуха	33
Дневная добыча пуха	34
Безвредность вынимания пуха для кладки	34
Использование гаги на западе	36
Необходимость запрещения собирать яйца гаги	37
IV. Уменьшение численности гаги, как результат хищничества; положение гаги в странах запада	39
Отлетела ли гага или истреблена	39
Гага в Норвегии	41
Гага в Исландии	42
Способы привлечения гаги	43
Эффективность охраны гаги	44
V. Очистка, упаковка и хранение пуха	47
Процент отхода	47
Способы очистки пуха	48
VI. Местное потребление пуха, гагачий пух как экспортный товар	51
VII. Необходимые мероприятия	55
Приложение	57

ЧИТАЙТЕ КНИГИ

С. А. БУТУРЛИН

„ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ВИДОВ ПТИЦ С.С.С.Р.“

Вып. I „Дневные хищники и совы“

120 страниц, 104 рисунка, 1 цветная таблица.

Цена 1 рубль 65 коп.

Н. А. БОБРИНСКИЙ

**„ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ОХОТНИЧЬИХ И ПРО-
МЫСЛОВЫХ ЗВЕРЕЙ НАШЕЙ ФАУНЫ“**

104 страницы, 61 рисунок А. Н. Формозова.

Цена 1 рубль 50 коп.

В. Я. ГЕНЕРОЗОВ и Ф. А. ГОЛУБИН

**„ДИЧНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В С. С. С. Р. И
ТОРГОВЛЯ ЕГО ПРОДУКТАМИ“**

184 страницы, 8 картограмм и диаграмм. Цена 3 рубля.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ВСЕКОХОТСОЮЗА

Москва, Центр, Никольская, Ветошный, 5.

ЧИТАЙТЕ НОВЫЕ КНИГИ

Н. ЗВОРЫКИН

„ОХОТА ПО ПЕРУ“

Охота на водоплавающую, болотную, лесную и степную дичь

Цена 1 руб. 15 копеек

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

„ОХОТА НА УТОК“

2-е издание

Цена 40 копеек

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

„ОХОТА НА ГЛУХАРЕЙ“

Цена 30 копеек

М. ПЕТРУНКЕВИЧ

„ОХОТА НА КУРОПАТОК“

Цена 30 копеек

Гр. РАХМАНИН

„ОХОТА НА ТЕТЕРЕВЕЙ“

2-е издание

Цена 50 копеек

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

„ОХОТА НА РЯБЧИКОВ“

Цена 30 копеек

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕКОХОТСОЮЗА

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ЗВЕРОВОЙ ОХОТЕ

Н. А. ЗВОРЫКИН

„ОХОТА НА ЛИСИЦ“

3-е издание

Цена 35 копеек

Н. А. ЗВОРЫКИН

„КАК ОПРЕДЕЛИТЬ СВЕЖЕСТЬ СЛЕДА“

2-е издание

Цена 20 копеек

А. А. ШИРИНСКИЙ-ШИХМАТОВ

„МЕДВЕДЬ И МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА“

2-е издание

Цена 70 копеек

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

„О ЗАЙЦЕ И ЕГО ДОБЫВАНИИ“

2-е издание

Цена 60 копеек

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

„ПРОМЫСЛОВЫЕ ЗВЕРИ НАШИХ ПРЕСНЫХ ВОДОЕМОВ“

Цена 75 копеек

А. В. УВАРОВ

„НА ЛИСИЦУ С МАНКОМ“

2-е издание

Цена 25 копеек

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕКОХОТСОЮЗА

ЧИТАЙТЕ НОВЫЕ КНИГИ

М. Д. МАКОВЕР

**„ХОЛОД И ЕГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В РЫБНОМ ДЕЛЕ“**

А. МЯКЕЛЯЙНЕН

**„ОБРАБОТКА И
ПОЧИНКА СЕТНОЙ
РЫБОЛОВНОЙ СНАСТИ“**

М. Д. МАКОВЕР

**„ПЕРЕРАБОТКА
ПРОДУКТОВ РЫБНОГО
ПРОМЫСЛА“**

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ВСЕКОХОТСОЮЗА

Москва, Центр, Никольская, Ветошный, 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПРОМЫСЛОВО-ОХОТНИЧЬИХ КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

„ВСЕКОХОТСОЮЗ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:

Бобринский, Н. А. — Определитель охотничьих и промысловых зверей нашей фауны	1 р. 50 к.
Бутурлин, С. А. — Дробовое ружье и стрельба из него. 4-е изд.	р. 75 к.
— Определитель видов птиц СССР. Выпуск I.	
Дневные хищники и совы СССР	1 р. 65 к.
Бутурлин, С. А. — Настольная книга охотника	2 р. 25 к.
Бутурлин, С. А. — Уход за ружьем дробовым и нарезным	р. 30 к.
Гадацкий, К. П. — Разведение и содержание кроликов	р. 40 к.
Герасов, В. Я. и Голубин, Ф. А. — Дичный промысел в СССР торговли его продуктами	3 р. — к.
Дейнект, В. — Искусство стрельбы дробью, 2-е изд.	р. 75 к.
Задесный И. М. — Набивка чучел птиц и зверей, 3-е изд.	р. 55 к.
Зворыкин, Н. А. — Как определить свежесть следа, 2 изд.	р. 20 к.
— Охота на лисиц, 3 изд.	р. 35 к.
— Охота по перу	1 р. 15 к.
Зернов, А. А. — Как научиться хорошо стрелять из дроб. ружья, 2-е изд.	р. 40 к.
Каверин, В. Н. — Белка и беличий промысел	р. 68 к.
— О зайце и его добычании, 2 изд.	р. 60 к.
— Охот на барсука	р. 30 к.
— Охота на вальдшнепов	р. 35 к.
— Охота на глухарей	р. 30 к.
— Охота на рябчиков	р. 30 к.
— Охота на уток, 2-е изд.	р. 40 к.
— Промысловые звери наших пресных водоемов	р. 75 к.
Кунин, Ф. П. — Ужение рыбы зимой	р. 45 к.
Мамовер, М. Д. — Выделка и окраска кроличьих шкурок	р. 25 к.
Мальцев, В. В. — Как снять, набить и сохранить шкуру птицы	р. 35 к.
Миллер, Д. К. — Ирландский сеттер и его натаска	р. 60 к.
Михайлов, В. С. — Первая помощь заболевшей собаке, 2-е изд.	1 р. 15 к.
Новиков В. М. — Как выбирать хорошую легавую	р. 15 к.
Петрунькович, М. — Как самому натаскать легавую собаку, 2 изд.	р. 20 к.
— Охота на куропаток, 2 изд.	р. 30 к.
— Охота на тетеревей, 2-е изд.	р. 50 к.
Рожественский, Н. — Простейшие способы ужения рыбы 2 изд.	р. 40 к.
— Спутник рыболова-удильщика, 2 изд.	1 р. — к.
— Удочки, их выбор, снаряжение и починка	р. 40 к.
Семенов, А. и Собольков, А. — Самодельн. складная переносная лодка	р. 35 к.
Соловьев, Д. К. — Охота в СССР	2 р. 25 к.
Уваров, А. В. — На лисицу с манком, 2-е изд.	р. 25 к.
— Охота на гусей	р. 25 к.
Усова, О. И. — Кролиководство и его продукты, 2-е изд.	1 р. — к.
Федосеев, В. Ф. — Как снимать и выправлять пушн. шкурки, 2-е изд.	р. 95 к.
Челищев, Н. Н. — Гончая, ее воспитание и охота с ней, 4-е изд.	р. 50 к.
— Как выбрать хо ошую гончую	р. 20 к.
— Как самому наганивать гончих, 2-е изд.	р. 20 к.
— На волков по черной тропе	р. 25 к.
— Русская борзая, ее воспитание и охота с ней	р. 70 к.
Шиллингер, Ф. Ф. — Кормовые площади в охотничьем хозяйстве	1 р. 80 к.
Ширинский-Шихатов, А. А. — Медведь и медвежья охота, 2-е изд.	р. 70 к.
Яблонский, Н. И. и Иванцев, А. П. — Воспитание, дрессировка и натаска легавой, 4-е изд.	р. 75 к.